

До и после

Харпер Ли «Пойди, поставь сторожа» wrote: Очень просто оглянуться и увидеть, какими были мы вчера или десять лет назад. Куда трудней увидеть, кто мы сейчас.

Сейчас.

В тот день я снова встретил своего погибшего друга. Даже повода разговаривать не было — незнакомые люди на оживленной улице. Случайное столкновение, взаимные извинения и разошлись. Но тем вечером я напился сильнее, чем когда бы то ни было. Притащился на базу, когда уже светало, умолял Гризли впустить, потом, кажется, не мог найти дверь, и в итоге наш дежурный волоком за шиворот тащил меня по лестнице до моей комнаты, а я в благодарность, под конец облевал ему сапоги.

На утро болела голова и тошнило. На совещании Вик заметил мне, что с подоконника лучше было бы пересесть за стол. И я пересел. Но вытерпеть запах перегара никто не смог, и уже спустя пять минут я снова был отправлен подальше: к окну, дышать в приоткрытую форточку.

Иногда мне кажется, что моя жизнь — одно сплошное недоразумение, допущенная кем-то когда-то оплошность. Долгие годы она мозолит глаза, и все силы этого мира понимают, что пора ошибку исправить, но им то лень, то времени нет. И в итоге я все еще на этом свете.

В конце совещания, после того, как каждая группа получила новое задание, Вик кинул мне на колени папку желтого «выколи-глаз» цвета и медленно, как умалишенному, пояснил, что я теперь отвечаю за новых рекрутов, а в папке тренировочная программа, одобренная Центром. И что пополнение будет в полном составе ожидать меня на Арене через полчаса.

Согласно покивал — молча, чтоб лишний раз не наполнять комнату запахом вчерашнего отчаянья, и утопал к себе — отсыпаться.

Девчонка оказалась по итогам умнее многих. Спустя два часа кто-то, все еще не потеряв надежду дожидаться наставника, пытался у манекенов махать мечом, но женской фигуры с рыжими волосами среди них не было. Здоровенный парень из тех, про кого говорят «косая сажень в плечах», замахнулся мечом и со всей силы ударил наискось по тренировочной кукле, словно хотел рассечь ее пополам. Напоровшись на утолщенный поликарбонат манекена, клинок дернулся, вывернулся из пальцев и по непредсказуемой траектории улетел в сторону, заставив соседей незадачливого рубаки шарахнуть прочь, дабы не получить острием в лоб. Ну, зато можно будет с чистой совестью отчитаться, что пополнение отвратительное и... Куда их? В бетон закатать?

В дверь постучали. На пороге стояла эта рыжеволосая гадина. Увидев меня, смущенно

запинаясь, начала вещать нечто невнятное. Надо было сосредоточиться на словах, но когда только-только начало получаться, она замолчала и принялась пихать мне в руки какой-то пакет. Взял, чтоб отвязалась, и закрыл дверь. Но надо отдать должное, молодец. Сразу поняла, что ждать сегодня тренировок бессмысленно. Съездила в город — устроила, в общем, себе выходной. Развлеклась, купила... Вытяжки целебных трав? «При интоксикации, отравлении». И мне принесла, всучила. Зараза. Но не выбрасывать же.

В итоге, день и так выдался отвратным донельзя, но судьба решила, что этого мало, и снова раздался стук в дверь. Я не впускал, но меня не спросили — вошли, сели на мой диван и уставились осуждающим тяжелым взглядом.

— Разумно, — вздыхает Вик, повертев пузырек с настойкой в руках. — Хотя в твоём состоянии вряд ли поможет. Дежурные сказали, ты вчера вообще удивительно, что дошел. Дополз. Даже не знаю, как описать. Был повод? Хотя, о чем это я. Когда тебе нужен был повод, чтобы нагадить...

Наверное, по моему лицу раскаяние видно не так хорошо, как хотелось бы, потому что в следующую секунду меня бьют кулаком в живот. А он молодец: на людях само спокойствие, а наедине решил не сдерживаться. Думает, черта с два я потом что докажу.

— Твое счастье, что тебя не пристрелили, — шипит Вик мне на ухо, пока я, скрючившись, пытаюсь загнать воздух обратно в легкие. — Мы поручились за тебя, а ты решил опять всех подставить, ради того, чтоб напиться? Наплевал на все правила, да? Молодец. Не знаю, кто вообще тебя выпустил без пропуска, но узнаю. Где След? — хватает меня за руку, задирая рукав.

Стоит ему коснуться едва видной татуировки Следа, и чернила с диким жжением словно выступают на коже, заново четко прорисовывая узор. Кажется, это продолжается целую вечность. Когда мою руку наконец отпускают, узор, который мне вытравили на предплечье, снова яркий и четкий.

— Вот так гораздо лучше, — говорит Вик. В голосе моего бывшего наставника чувствуется облегчение. Он успел посадить меня на цепь заново до того, как я натворю бед.

Даже не сомневаюсь, когда принимали решение снять След, он был против. Он доказывал, что мне нельзя доверять, что прошло слишком мало времени и что лучше еще понаблюдать. Эта сволочь, конечно, ненавидит меня больше остальных, зато и понимает лучше многих. И вот теперь, когда он оказался прав, и я ушел в город с базы, несмотря на все ограничения и запреты, он чувствует... Удовлетворение, наверное. Я его не разочаровал и не обманул ожиданий. Я полностью оправдал репутацию подонка. Неисправимого.

— Сам виноват, — подытоживает Вик. Отходит, морщась, массирует виски: активация Следа требует значительных усилий, даже для него, и я чувствую мрачное удовольствие, что больно не только мне.

На его побледневшем лице красная полоса шрама у корней волос, напоминание о той нашей схватке, проступает особенно отчетливо. Помнится, когда мы сцепились, в какой-то

момент, у меня в руке оказался тяжелый охотничий нож. И уже в последний момент, в замахе, я крутанул его в руке, перехватывая лезвием назад, и ударил наотмашь краем железной рукояти. Не удивительно, что шрам остался. А не перехватил бы, наверное снёс бы ему пол черепа, и тогда... На меня сейчас орал бы кто-нибудь другой?

— Я сообщу, что было зафиксировано нарушение временного ограничения на свободное передвижение. И в связи с этим, я решил активировать След, — понятно, никакого мне снисхождения, ставит перед фактом. Не на шутку разозлен. — И постарайся, чтобы подобное не повторилось. Ради твоего же блага. Мне не хотелось бы, — Вик запинается на мгновение, — прибегать к более решительным мерам.

Ну да.«Прибегнуть к решительным мерам» звучит лучше, чем «пристрелить тебя».

Уже стоя перед дверью, он вертит в руках пакет с лекарством.

— Где взял?

Ох, не похвалят девчонку за самоволку, скорее даже наоборот. А она, вроде как, для меня старалась. Наверное, лучше ее не выдавать.

— Алиса принесла, — как на духу сознаюсь я, — наверное, в город ездила.

На Алису, как ни странно, никто злиться не собирается. Вик задумывается. Не улыбается ему впясть своей лучшей ученице арест, и чтоб сидели мы по соседним камерам.

— На ее месте я бы тебя задушил во сне, — признается он наконец. — А она вон как...

Думать «как» мой мозг отказывается. Рука и голова теперь разрываются от боли на пару, и все о чем я мечтаю, чтобы меня оставили в покое.

— А чем плохо, — скалюсь я в ответ, — сегодня лекарство притащила, завтра пирожков принесет. Отдашь Красную Шапочку мне в личное пользование?

Проходит, наверное, минут пять, прежде чем мне удастся восстановить дыхание и подняться с ковра. Оказывается, в первый раз он еще сдерживался. За время, пока я прихожу в себя, входная дверь успевает захлопнуться, и я остаюсь в долгожданном одиночестве.

Тогда

На первый взгляд Грэмма Стендхейма было легко спутать с одним из глуповатых, твердолобых вояк, не способных на большее, нежели неукоснительное исполнение приказа. Ещё во времена своей молодости он надел эту столь удобную маску, дающую необходимую свободу действий при минимуме ответственности.

Прикрываясь прямолинейностью служаки, он тихо, но уверенно, не спеша, но не останавливаясь, полз по служебной лестнице и таким образом, не попав ни в мясорубки войн, ни пав жертвой политических интриг, дослужился до Старшего Советника регулярной армии.

«Человек-бульдог» — презрительно отзывались о нем завистники.

Бульдог не возражал. Он цепким взглядом следил за недругами, точил клыки и ждал своего часа. Час настал неожиданно, когда группа ученых, возглавляемая профессором Хоггартом заявила об открытии нового вещества. «Наверху» Хоггарта знали и не любили. Слишком громкие заявления, слишком открытые дебаты на большие темы, от отголосков которых дрожали стекла зеркальных башен мэрии и кабинета Верховного Сенатора. И что было совсем уж не свойственно вечно нищим НИИ, ни субсидий, ни финансирования они не требовали, довольствуясь спонсорской поддержкой сторонних лиц. Взять ученых «на поводок» у Сената практически не было возможностей. Независимое исследование по теории частиц — никакого оружия, никаких секретных разработок. Но земля полнилась слухами быстро. И Верховный Сенатор поручил Канцлеру разобраться. В тот же день в армию были направлены запросы. Нужен был человек — не связанный с соглядатаями и доносчиками. Военный из армии с хорошей репутацией, исполнительный и надежный. И вскоре из штаба прислали Старшего Советника Стендхейма. На последнем этаже сто двадцатипятиэтажной башни из стекла он вошел в кабинет, оббитый темным деревом, с тяжелыми шторами и огромным письменным столом, за которым сидел человек в черной форме.

— Контроль и наблюдение — гарантии стабильности нашего общества, господин Советник, — тихо сказал человек. — Профилактика всегда была главным оружием в борьбе за спокойствие нашего мира. Залогом, что меры будут приняты не только вовремя, но с опережением. Как врач выявляет опухоль до ее формирования по незримым обычному глазу симптомам, и мизерным изменениям клеток, так и мы, наблюдая, не должны пренебрегать ни одним самым маловажным, на первый взгляд, слухом, ни одним фактом, ни одним человеком, чтобы не пропустить момента глобальных изменений, когда контроль будет уже утерян. Вы понимаете насколько это серьезно?

— Да, господин Канцлер, — ответил Грэм, вытянувшись по струнке.

— И вы согласны со мной?

— Да, господин канцлер, — повторил Грэм, немигающим взглядом уставившись на золотую бахрому шторы за плечом у черной фигуры.

— Вас рекомендовали, как дисциплинированного и исполнительного солдата.

«Послушного и безынициативного», — подумал Грэм.

— Есть задание, которое вы должны выполнить, — продолжил канцлер. — Доходят слухи о группе ученых, обнаруживших новую материю. Они назвали ее «маной». И уверяют, что весь наш мир пронизан ее нитями. Мы не можем ее видеть, не можем ощущать, но она повсюду. Ученый возглавляющий группу, профессор Артур Хоггарт, уверен, что сконструировал аппарат, который сможет с ней взаимодействовать. Более того, преобразовывать и использовать. Он не скупится на выражения, и до нас доходят обрывки его уверений, что это и есть та самая «магия», которая в ответе за несчастья Случайного Нашествия. И это грозит осложнениями. Каждый раз, когда в нашу жизнь вторгается нечто новое, наша обязанность позаботится не только о том, чтобы это нечто нашло свое место, но и чтобы не стало угрозой. Вот в этом, я надеюсь, вы нам поможете.

— Да, господин канцлер, — в третий раз ответил Грэм, не задумываясь.

— Вы будете направлены в группу профессора в качестве инструктора по технике безопасности. Профессор уверяет, что в новых сотрудниках не нуждается и даже вас одного согласился принять с большой неохотой. Фактически, Сенат настоял, чтобы ради безопасности людей в группе находился профессиональный военный. Но я полагаю, что чем меньше хаоса будет в этой истории, и чем крепче сотрудничество между нашими службами и научно-

исследовательским университетом, тем продуктивнее будет работа профессора. И тем большую поддержку мы сможем ему оказать. Нам нужны будут ваши подробные регулярные отчеты о деятельности научной группы, чтобы была возможность вовремя среагировать, если... Им потребуется помощь.

В конце своей речи Канцлер встал из-за стола, обошел его и остановился прямо перед Грэммом, цепко вглядываясь ему в глаза.

— Думаю, вы понимаете, насколько это важно, — помолчав добавил он.

И Грэмм снова согласился. Он поймал себя на мысли, что сейчас сказал бы что угодно, лишь бы не чувствовать на себе этот взгляд буравящих его, чуть прищуренных глаз человека с серым равнодушно-холодным лицом, будто украденным на кладбище у мертвеца.

— На столе лежит личное дело, — тихо сказал его собеседник, — ознакомьтесь. Будет лучше, если вы заранее будете четко представлять, к кому вы направляетесь.

Втянув живот, боком Грэмм обошел неподвижную фигуру перед собой. На широком письменном столе он сразу увидел стопку желтых папок, верхняя из которых была озаглавлена как «Личное дело Артура Льюиса Хоггарта» с длинным порядковым номером, и взял ее. Под ней оказалась идентичная папка на некоего Грея Л. Девиса. Грэмм прочел это машинально и так же на автомате, скорее повинувшись привычке не упускать ни одной детали, нежели из любопытства, отметил жирную красную полосу, перечеркнувшую край папки. Ранее на службе Грэмм видел такие на фотографиях дезертиров и военных преступников и знал, она обозначала, что «объект» устранен.

— Если позволите дать вам небольшую рекомендацию, — на прощание сказал Канцлер, — ситуация сложная и неоднозначная. Ваше присутствие на месте желательно как можно скорее.

Грэмм склонил голову в знак повиновения и выехал на следующее утро.

Электрокар немного покружил по оживленным улицам и выскочил неподалеку от городской стены. Сразу за воротами защитного купола, по обоим сторонам дороги, стеной стоял рыжий осенний лес. Научно-исследовательский комплекс расположился на территории старой военной базы. Спустя сорок минут езды по лесной дороге Грэмм въезжал на бывший контрольно-пропускной пункт. На каменной стене забора, увенчанной ржавой колючей проволокой, он заметил полустертый лозунг времен Нашествия: «Умудренные прошлым, ради светлого будущего, клянемся жить долго и счастливо» и невесело усмехнулся. В отличие от писавших, он знал, чем светлое послевоенное будущее обернется.

Профессор Хоггарт встретил его на КПП.

— Боюсь, это прозвучит эгоистично с моей стороны, — извиняющимся тоном заметил он, пожимая Грэмму руку, — потому что уверен: спустя некоторое время вы сочтете пребывание здесь наискучнейшим занятием, но я очень рад, что вы к нам присоединитесь.

Грэмм оценил и эту ложь, и то, что руководитель научного проекта лично вышел встретить

нового сотрудника.

— По уставу, — начал зачитывать, будто по книге, бульдог, нацепив свою излюбленную маску — вы имеете право находиться на территории военного объекта только в присутствии лица, находящегося на военной службе, по статье 23.4 параграфа 6, значит...

Все время, пока Грэмм говорил, улыбка на лице Хоггарта становилась все более кислой, и под конец профессор начал напоминать человека, жующего лимон.

— Да-да, конечно, — прервал он Грэмма, — но пока я не почувствовал себя закоренелым нарушителем этих священных статей, позвольте вам показать нашу скромную обитель и представить остальных.

Обитель и правда оказалась скромной. На территории стояли только два старых корпуса, гараж и новенький павильон из матово-белых блоков, возведенный уже по заказу ученых. На то, чтобы обойти всю территорию и заглянуть в лаборатории, жилой блок, лазарет у Грэмма, ведомого Хоггартом, ушло около часа.

— Неужели в этой глуши вы нашли нечто, что не смогли предложить лучшие лаборатории мегаполиса, — делано удивился новоиспеченный инспектор по безопасности во время осмотра, но Хоггарт лишь загадочно улыбнулся и крепче взял его под локоть.

Вечером, на ужине, устроенном в честь прибытия нового члена команды, бульдог пожимал руки новым коллегам и рассказывал, как дела в городе. Среди калейдоскопа лиц он особо выделил двоих. Первый подошел к Грэмму в середине обеда, когда тот познакомился с основной массой присутствующих, и волна внимания к его персоне несколько схлынула.

— Профессор Сет Диттер, — представился мужчина средних лет с короткой стрижкой, и звериное чутье, жившее где-то глубоко в душе бульдога, предостерегающе насторожено заворчал.

— Хоггарт рассказывал, что к нам должен присоединиться еще один человек, но не упомянул, что этим человеком будет герой Нашествия Советник Стендхейм. Однако, уверен, ваше присутствие пойдет всем на пользу, независимо от того, что привело вас в исследовательскую группу, — он выжидающе посмотрел на собеседника.

Грэмм понял вопрос «Зачем вы здесь?», скрытый в этом приветствии, и ему это не понравилось. Тем более, что интуиция подсказывала: спрашивающий и сам примерно понимал зачем, но, видимо, захотел подтвердить свои догадки.

— По уставу... — начал он выдавать всю подноготную, которую ранее рассказывал Хоггарту, — вы не имеете права...

Новый знакомый выслушал сухие шаблонные фразы с вежливо-отстраненным выражением лица, ни разу не сделав попытки перебить бульдога.

— Да, конечно, соблюдение устава чрезвычайно важно, — равнодушно заметил он, когда Грэмм иссяк и замолчал. — Жаль, что профессор Хоггарт, на которого возложена столь

ответственная роль быть главным научным

куратором исследований, этого не понимает. Впрочем, вы правы — здесь... Неудобно. Я думаю, мы вполне сможем как-нибудь поболтать позже. В таком маленьком коллективе, как наш, очень важно быть хорошими... Коллегами.

Он улыбнулся и отошел, оставив Грэма задумчиво смотреть ему вслед.

А второе весьма интересное знакомство состоялось уже под конец вечера, когда, ссылаясь на поздний час, присутствующие стали расходиться. Именно тогда к нему шагнула невысокая стройная девушка в сером рабочем комбинезоне с иссиня черными волосами и, протянув руку для рукопожатия, представилась: «Хейли Хогграт».

Сейчас

Следующие пару дней проходят однообразно и незаметно. Меня не зовут на собрания, не поручают никаких дел и вообще старательно делают вид, что меня не существует. Иногда, я и сам в это верю. К счастью, база компании «Долго и счастливо» огромна. По сути, целый город с тренировочными центрами, научно-диагностическими лабораториями, жилым корпусом, ареной, гаражами, арсеналом. А еще толпы людей, снующих по своим делам. Затеряться между ними — легче легкого. В один из таких дней ко мне заходит Роза, молча закатывает рукав рубашки, намазывает руку чем-то напоминающим масло, перебинтовывает. Наверное, Вик прислал. Я чувствую, как жжение на коже от Следа, не утихающее все это время ни на минуту, начинает спадать.

— Мы нигде раньше не встречались? — бросаю я нашу обычную шутку, — у меня ощущение, что я вас где-то прежде видел.

Прежде она отвесила бы мне затрещину и непререкаемым тоном объяснила, что настолько банальные фразы готова выслушивать только от красавца-принца и что я слишком тощий для ее идеала. Теперь она долгим внимательным взглядом пристально смотрит на меня, словно выискивает что-то в лице. Потом выдыхает и отворачивается.

— Тебе надо больше бывать на свежем воздухе, Алекс, и постарайся обойтись без глупостей, — советует напоследок и уходит. Мне кажется, она почти что меня жалеет.

После двух месяцев карцера я, признаю, испытываю отторжение к долгому нахождению в замкнутых помещениях, так что с самого утра натягиваю форменную спецовку и ухожу на улицу. Брожу по парку вокруг арены, бесцельно наматываю круги. Это продолжается до тех пор, пока однажды на горизонте не возникает наша незабвенная командующая боевыми группами и, тряхнув челкой, объявляет, что в связи с недавними инцидентами, в коих есть изрядная доля моей вины, ситуация с личным составом все еще напряженная. Все отряды на заданиях, пополнение тренировать некому, и даже ей самой пришлось взять шефство над одной из рекрутских групп.

— А ты, — заключает Хейли, — у нас числишься одним из наставников, вот и займись. Вик тебе еще неделю назад это поручил, не понятно, чего ты ждешь. Оставляю на тебя группу новобранцев. Силовые тренировки — пока ничего большего.

Забавно, но когда мы встретились, у нее были длинные, до пояса, волосы. Сколько помню,

она носилась с ними, как с единственным дорогим существом, и скорее дала бы отрезать себе руки, чем согласилась бы подстричься. А потом в один прекрасный день взяла и обрезала. С чего вдруг, толком и не объяснила: когда Гризли спросил, только плечами пожала. Ходит теперь с каре. Неужели для них это и правда так работает — нечто дорогое со временем просто надоедает, и ты легко избавляешься от него, не задумываясь?

«Займись уже хоть чем-то полезным», — означают ее слова. «Не облажайся, как в прошлый раз», — говорит взгляд. И она уходит. А я снова должен что-то делать. Вставать по утрам по расписанию, а не когда захочется, идти, куда надо, а не куда потянет. Это вроде называют возвращением к жизни. Долгой, мучительной жизни.

Как спросить меня, так дать озлобившемуся штрафнику хоть маломальскую власть над новичками — не самое гуманное решение. Наверное, Хейли думала, что испоганить настолько простое задание — привалиться к тренажеру и наблюдать, чтобы группа, не отлынивая, исправно потела — просто невозможно. Люблю удивлять. Новички не знали, что это из-за меня их кинули в прошлый раз с тренировками и оставили жариться на арене под солнцем в течение нескольких часов. Поэтому, когда мы встречаемся на следующее утро, они улыбаются и вообще стараются проявлять дружелюбие. Хорошо, что Гризли в свое время наглядно, прямо на мне, продемонстрировал высший пилотаж тренерской работы — обозвал, унизил, разбил в спарринге нос — и молодец.

Улыбаюсь в ответ и команду разминаться.

Тренировки проходят в подземном зале комплекса Арены. Наверху мечом машешь, каждый, кто из любопытства, кто от нечего делать, остановится да посмотрит. А вниз спускаться никто специально не станет. Так что первую половину дня нам никто не мешал. А потом Хейли решила заглянуть проинспектировать процесс. По-моему, сюрприз получился. При виде тел, в изнеможении валяющихся на матах, кто с подбитым глазом, кто с кровоточащей губой, ее брови сначала удивленно ползут вверх, потом гневно сходятся на переносице.

— Ты что творишь? — шипит она, — я же сказала: просто силовые тренировки. Посмотреть, проверить возможности, понять, кто на что способен. Что за побоище?

— Вот и посмотрел, — хмыкаю я, — разведка боем. И могу сказать, что в рукопашной схватке никто из них толком ни на что не способен. Зато теперь хоть умеют бинтовать руки.

Дверь в зал открывается, и заходит Алиса. Судя по мечу в ножнах — на тренировку. Похорошему, ее должны были распределить в группу новичков. Но похоже, наше юное дарование оказалось настолько способным, что командир боевых отрядов лично взялась за ее обучение.

— Срываешься на слабых. Жалкое зрелище, — кривится Хейли, — слышала, Вик тебе все-таки врезал на днях. И правильно сделал. Но, видимо, слабовато.

А вот теперь, она действительно начинает раздражать. В конце концов, далеко не все, что я могу молча стерпеть от Вика, я готов покладисто переносить с ее стороны.

— Так, может, поставишь против меня своего лучшего ученика, — киваю я на Алису. — Пусть Красная Шапочка продемонстрирует, на что способна. Или сама покажи мастер-класс.

— Много чести, — словно выплевывает Хейли, — издеваешься над слабыми, потому что не способен одолеть сильных. И если бы Вик тебя тогда не пожалел, если бы он не сдерживался и дрался всерьез, ты бы в жизни его не победил.

Резко отворачивается, машет Алисе, все это время молча созерцающей пол, и обе выходят из зала.

— Мы уже победили, просто вы пока этого не заметили, — тихо говорю я захлопнувшейся двери. Подхватываю с пола полевую пятнистую куртку, отряхиваю от налипшей рыжеватой пыли.

— Свободны, — командую побитым новобранцам.

Выхожу на улицу, на ходу застегиваю молнию. Отягощенный чем-то карман, ощутимо хлопает по бедру. Опускаю в него руку и ощупываю массивный ключ. Что же я делаю, а? Мне бы пронести его тихо, да спрятать понадежнее, позаботится, чтобы никто не нашел. Вместо этого, после того, как я забрал его тогда в городе, я напился, привлек к себе все внимание, какое было возможно, шумным возвращением, рискуя быть задержанным и обысканным, если не арестованным снова. А после оставил ключ болтаться в куртке, даже не подумав элементарно застегнуть карман. Только за сегодняшний день, он мог выпасть десятки раз. Уже не говоря про тот вечер, когда я тащился пьяным на базу, вообще ничего не соображая. И никогда бы в жизни я его не нашел. Даже не понял бы, в какой момент тот пропал. Объяснил бы мне хоть кто-нибудь, какого черта происходит.

Я... Надеюсь, что его потеряю?

Сбоку, с Арены, слышатся крики. Алиса тренирует контратаку. Пара-тройка людей на трибунах наблюдают, приветствуя удачные выпады подбадривающими возгласами.

Я тоже не дрался с ним тогда всерьез. Я не убил его — не смог. На меня и правда нельзя положиться.

Сзади слышатся быстрые шаги, я оборачиваюсь. Один из побитых новобранцев догоняет меня, останавливается — на почтительном расстоянии. Боится?

— Мастер Лейн, — выдыхает он. — Можно с вами поговорить?

Страница книги До и после в интернете